

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОММУНИКАЦИИ

УДК 808.51

О. И. Уланович, К. П. Волкова

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАФРЕЙМИНГА В МОДЕЛИРОВАНИИ ОБРАЗА «ТЕРРОРИЗМА/ЭКСТРЕМИЗМА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье изложены концептуальные основы коммуникативной технологии медиафрейминга; моделируется символический образ терроризма, имплицитно формируемый посредством технологии фрейминга в англоязычном политическом дискурсе. Авторами разработана классификация сфер экспансии фреймов для метафорического образного преподнесения в политической коммуникации того или иного явления, что определяет эмоциональные и оценочные эффекты его перцепции. Количественная оценка репрезентативности различных фреймов в моделировании символического образа экстремизма и задаваемые аффективно-оценочные фрейминговые эффекты этого образа позволяет нам выявить ценностные акценты медиариторики в англоязычном политическом дискурсе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, технология медиафрейминга, фреймы, политическая метафора, символический образ, терроризм.

Активные процессы медиатизации и виртуализации социумного пространства спровоцировали изменения форм, средств, моделей и даже содержательных аспектов социальной коммуникации, равно как и видоизменили сам образ жизни современного человека. Сегодня важным компонентом «информационной жизни» социума становится политическая коммуникация, которая в силу превращения в своего рода «продукт» массового спроса и потребления фактически доминирует в предметно-дискурсивном поле социальной коммуникации. Современная арена политических хитросплетений — это более интригующий и захватывающий роман, чем шпионский детектив; это эпатажнее и эмоциональнее любого телевизионного шоу. Медиатизация и массовизация политики, в свою очередь, трансформирует формат политической коммуникации, что воплощается в придании политическим явлениям все больше символических и эстетических характеристик, нежели собственно политических.

Безусловно, функция навязывания определенных отношений, оценок, «рецептов», мотивирование к определенной гражданской активности — манипулирование сознанием массовой аудитории — по-прежнему остается ключевой прагматической установкой политической коммуникации. Но если ранее в реализации этой функции акцентировалось *рациональное осмысление и убедительная аргументация*, то сейчас внушение устойчивых смыслов в пространстве политики осуществляется преимущественно через *инсценирование визуальных эффектов и создание символических образов* тех или иных субъектов политики: политических лидеров, целых государств, политических партий, общественных и политических организаций и движений, друзей народа и политических врагов.

Формирующуюся сегодня, по сути, новую политическую медиареальность исследователи современной политической коммуникации именуют по-разному: эстетизированная политика, театрализованная, символическая политика, шоу-политика. Сравнение современной политической коммуникации с театральным представлением или шоу оправдывается по ряду причин.

Во-первых, в политической коммуникации присутствуют главные действующие лица (ораторы, политические институты — акторы политического действия), образы которых зачастую мотивированно конструируются как «символические фигуры» или «мифологические образы», превращая политику в «символический идеологический конструкт» [2, с. 105]. Достижение последнего возможно, по мнению Н. П. Пименова, благодаря так называемой бренд-имиджевой политической коммуникации. «Данный вид коммуникации направлен на моделирование конкурентоспособных образов конкретных институтов и субъектов с помощью специализированных технологий имиджирования, брендинга, рекламы, медийного фрейминга, медиакультурного импринтинга и др.» [2, с. 106].

Во-вторых, в политической коммуникации заметно возрастает роль массового зрителя, который воспринимается вовсе не как пассивная аудитория; напротив, общение с массовым субъектом политики активно и интерактивно, эмоционально и экспрессивно. Акцентированную диалогичность современной политической коммуникации обеспечивают следующие, отмечаемые О. Ф. Русаковой стратегии направленные на массовую аудиторию: позиционирования, соблазна, ментального перформатирования, социетальности, рейтинговой презентационности [4, с. 91].

В-третьих, сегодня сценарии политических выступлений, дебатов, предвыборных кампаний насыщены символическими и эстетическими элементами, которые пришли на смену эмоционально выдержанному и логично-аргументированному формату предоставления информации. В современных политических выступлениях акцент делается не столько на семантической информации (поскольку она «вызывает у реципиентов попытки ее опровергнуть или подтвердить» [3, с. 65]), сколько на информации эстетической, провоцирующей устойчивые душевные состояния и эмоциональные реакции — «эстетические эмоции», которые являются первичной аффективной оценкой-реакцией, и которые, по словам Н. И. Киященко, «обостряют вкус к жизни и повышают ее тонус» [1, с. 208].

Принимая за аксиому, что в понятии «эстетическое» «имеет место слияние умопостигаемого с чувственно воспринимаемым», что «эстетическое» — это «специфическое чувственно-выразительное проявление ценностного отношения к окружающей действительности» [5, с. 293], мы можем согласиться, что действенная сила эстетической информации в разы превышает эффект воздействия информации семантической.

Итак, эстетическая форма подачи информации начинает доминировать в выступлениях современных политических деятелей, и одним из ее инструментов является технология фрейминга, основанная на формировании образов и создании аллюзивных отсылок к каким-либо явлениям и ситуациям, имевшим ранее место и получившим уже оценку в обществе и в сознании человека. Наша трактовка технологии фрейминга заключается в следующем: политический медиафрейминг — это такой способ преподнесения аудитории фактов и сведений, при котором они «упаковываются» во фрейм — некий существующий уже в массовом сознании гештальт / образ-

оболочку со всеми присущими ему характеристиками; при этом оценки и отношение транслируются с образа / гештальта на преподносимое политическое явление.

Именно при помощи этой манипуляторной технологии «вживание» нужных оценок и передача определенных образов происходит имплицитно, за счет использования фреймов, «упаковок» образов и слов. Ключевым средством политического медиафрейминга является **политическая метафора**, воплощающая единство изобразительности, оценочности, экспрессивности и воздействующего эффекта. В контексте политической коммуникации метафора — не просто изящное средство образности, риторики и идиостиля политика, но мощный инструмент моделирования символических образов, формирования установок, оценок и отношений за счет безлимитного диапазона коннотативных значений и бездонного багажа когнитивных фреймов.

Психолингвистические исследования моделирующего потенциала метафоры в медиадискурсе позволили выявить следующие универсальные сферы экспансии образов метафорического сравнения (фреймов) [6]:

а) мир *артефактов* (предметы, созданные трудом человека). Так, например, в утверждении: *The walls of mistrust <...> are thick and they are high* — ‘Стены непонимания ... **прочны** и **высоки**’ (Дж. Керри), «стены» – образ артефактного метафорического сравнения, используемый для характеристики масштаба непонимания между народами;

б) *природа* (живая и неживая). В выражении *the struggle against Daesh is not taking place in a political vacuum* — ‘борьба против ИГИЛ происходит не в **политическом вакууме**’ (Дж. Керри), «вакуум» — образ метафорического сравнения из «природной» сферы;

в) сам *человек* (в его физическом, психическом и социальном существовании). Апеллирование к образам данной (антропоцентрической) сферы имеет место в следующем политическом заявлении: *The longer this terrible civil war lasts, the harder it will be for the country to recover, and the more wounds of body and mind we will see opened* — ‘Чем дольше длится гражданская война, тем сложнее для страны **процесс выздоровления**’ (Дж. Керри).

Изучение текстов политических выступлений позволило нам в качестве самостоятельной выделить еще одну сферу экспансии метафорических образов — *эзотерическую*, которая оперирует образами сакрального мира в широком понимании. Транслирование фреймов из данной области позволяет преподнести то или иное явление в образе потусторонней, мистической и роковой сущности: *The brutality of terrorists in Syria and Iraq forces us to look into the heart of darkness* — ‘Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас заглянуть в самое **сердце тьмы**’ (Б. Обама).

Отмеченные четыре сферы экспансии образов в политической метафоре: *мир артефактов* (окружающие нас предметы, быт человека), *живая и неживая природа*, *человек* (его физическое и психическое состояние, социальная среда и др.), а также *эзотерическая* сфера исчерпывающим образом систематизируют все возможные фреймы для «упаковывания» политических реалий.

Репрезентативность указанных сфер метафорических фреймов в формировании символических образов-«портретов» политических субъектов и объектов в современной эстетизированной политической коммуникации мы приняли решение исследовать на примере формируемого в англоязычном медиaprостранстве образа такого многопланового явления как **экстремизм / терроризм**, воплощающего агрессивную радикальную идеологию и антидемократическую форму политического управления.

Наш анализ выявил, что образы-фреймы из всех четырех отмеченных сфер используются вполне активно в формировании символического портрета воинствующего экстремизма в англоязычном политическом дискурсе.

В контексте **антропологических** образов создается довольно яркий и категорично негативный образ экстремизма как психически и физически нездорового человека, варвара и убийцы.

В высказываниях Б. Обамы, экстремисты — это *proxies* ‘марионетки’, слабовольные, руководимые кем-то куклы, а экстремизм — *a pervert* ‘страдающий извращениями человек’, который *perverted one of the world's great religions* — ‘совратил величайшую религию мира’; это *religiously motivated fanatics* — ‘религиозные фанатики’, которые распространяют свой смертоносный идеологический образ — *lethal and ideological brand of terrorists* — и экспортируют насилие — *export this violence* (Б. Обама, 2015).

В образных выражениях Д. Трампа, экстремисты — это *a network of lawless savages* — ‘сеть **необузданных дикарей**’, *that have slaughtered Muslims and Christians* — ‘зверски уничтожающих (букв. ‘вырезающих’) как мусульман, так и христиан’, разжигающих на Ближнем Востоке *ancient sectarian and tribal conflicts* — ‘древние сектантские и племенные конфликты’ (Д. Трамп, 2017).

Варварская сущность террористов подчеркивается и в оценке Биньямина Нетаньяху радикальных экстремистских действий Ирана, который осуществляет *campaign of carnage and conquest throughout the Middle East* — ‘«кампанию» резни и завоеваний на Ближнем Востоке’ и который был пойман с поличным на месте кровавых расправ: *Iran was caught red-handed trying to murder European citizens* (Б. Нетаньяху, 2018).

Террористы представляются в образе дикарей, находящихся на низшей стадии развития общества и цивилизации, вне закона и порядка.

Х. Клинтон использует выражение *marginalizing extremists*, подчеркивая, что экстремисты находятся за чертой культурного и цивилизованного общества: *We have to join with our partners to do the patient's steady work of empowering moderates and marginalizing extremists* — ‘Мы должны объединиться с нашими единомышленниками для поддержания лояльных группировок и для **маргинализации экстремистов**’ (Х. Клинтон, 2015). Термин «маргинализация» в данном контексте означает ‘сталкивать на обочину, отодвигать на второй план, вытеснять’; тем самым акцентируется важность вытеснения экстремистов за пределы цивилизованного сообщества.

Апеллирование к варварской сущности терроризма мы можем отметить и в именовании Дж. Бушем борьбы с терроризмом **крестовым походом**: *This crusade, this war on terrorism is going to take a while* — ‘Этот **крестовый поход**, эта война с терроризмом, потребует времени’ (Дж. Буш, 2001).

В англоязычном политическом дискурсе политики используют физические и психические заболевания человека для аллегорической передачи характеристик и оценки экстремизма. Так, экстремизм — это:

1) **раковая опухоль**: *the cancer of violent extremism that has ravaged so many parts of the Muslim world* — ‘раковая опухоль воинствующего экстремизма, которая поразила мусульманский мир’ (Б. Обама, 2015);

2) **безумие**: *there is no other way for this madness to end* — ‘не существует иного способа покончить с этим безумием’ (Б. Обама, 2015);

3) распространяющаяся **болезнь**: *this cholera of the century* — ‘поразившая мир вспышка **холеры**’ (Э. Рахмон, президент республики Таджикистан, 2018); *metastasizing threats* — ‘разрастающаяся подобно опухоли угроза’ (Х. Клинтон, 2015);

4) заразный **вирус**: *the Orlando terrorist may be dead. But the virus that poisoned his mind remains very much alive* — ‘Террорист, устроивший массовое убийство в Орландо, может быть мертв. Но тот вирус, что отравил его ум, жив и до сих пор опасен’ (Х. Клинтон, 2016);

5) **слабость** и **бессилие** человеческого ума и сердца: *death, destruction, terrorism and weakness* — ‘смерть, разрушение, терроризм, бессилие’ (Д. Трамп, 2016); *But actually, what they [terrorists] showed is unremitting weakness* — ‘Что в действительности они [террористы] продемонстрировали, так это **неотвратимую слабость**’ (Д. Трамп, 2019).

Проанализировав приведенные выше и иные примеры, мы можем заключить, что англоязычные политические деятели, используя в своих выступлениях метафорические фреймы из сферы экспансии «человек», персонифицируют губительное явление экстремизма. Приписывание экстремизму / терроризму характерных черт, присущих человеку (то или иное физическое / психическое состояние или социальный статус), позволяет непосредственно противопоставить деятельность людей с отравленным радикальной идеологией умом благоразумию здорового человека. Это, можно полагать, представляется вполне эффективным подходом в информационной борьбе против приверженцев радикальной идеологии, так как свойственная обществу стратификация уже в самой сути общественного порядка акцентирует отношения противопоставления.

В контексте образов **неживой природы** в англоязычной политической коммуникации экстремизм уподобляется:

1) **пучине**, которая затягивает в пропасть целые страны: *Iraq has come perilously close to plunging back into the abyss* — ‘Ирак подошел вплотную к тому, чтобы **обрушиться в пропасть (бездну)**’ (Б. Обама, 2015);

2) **пустоте / вакууму**: *to see the emptiness of extremism* — ‘увидеть пустоту (бессмысленность, тщетность) экстремизма’ (Д. Трамп, 2016);

3) **пристанищу / убежищу**: *misguided refuge of extremists* — ‘ложный остров спасения (букв. *убежище*) для террористов’ (Б. Обама, 2015);

4) **бушующему огню**, который нужно погасить: *to extinguish this vile enemy from our planet* — ‘**потушить пламя**, разожженное гнусным врагом на нашей планете’ (Д. Трамп, 2017); *this ideology of death that must be extinguished* — ‘эту идеологию смерти необходимо **погасить**’ (Д. Трамп, 2016); *they [the terrorists] left a mark with fire and rubble* — они [террористы] оставили следы от **огня** и обломков (Д. Трамп, 2017);

5) **ландшафту**: *At the heart of today's new landscape of terror is ISIS* — ‘Сегодня в центре нового **ландшафта терроризма** основную роль играет ИГИЛ’ (Х. Клинтон, 2015); *The complexity of the current terrorism landscape compels us all to rethink our approaches* — ‘Сложность нынешнего **ландшафта терроризма** заставляет нас пересмотреть наши подходы’ (М. Конинкс, исполнительный директор Контртеррористического комитета ООН, 2018). ИГИЛ оценивается как ядро и центр террористического ландшафта — явление обширное по размаху и влиянию.

Весьма примечателен образ экстремизма, ассоциирующийся с водным потоком, течением, который задается посредством «водных» фреймов. Так, политики заявляют

о необходимости *to stop the flow of fighters* — ‘остановить **поток** боевиков’ (Б. Обама, 2015), *to stem the flow of foreign terrorist fighters to Iraq and the Syrian Arab Republic* — ‘пресечь **поток** иностранных боевиков-террористов в Ирак и Сирийскую Арабскую Республику’ (М. Конинкс, 2018). При этом террористы изыскивают пути и способы *of infiltrating our borders* — ‘просочиться через наши границы’ (Д. Трамп, 2018), *to pour into our country* – букв. ‘**влияться** в нашу страну’ (Д. Трамп, 2016): *Clinton wants to allow Radical Islamic terrorists to pour into our country — they enslave women, and murder gays* — ‘Клинтон хочет позволить исламским террористам-радикалам **наводнить** нашу страну — они порабощают женщин и убивают геев’ (Д. Трамп, 2016).

В целом, образы неживой природы имплицитно формируют в сознании англоговорящих реципиентов представление об экстремизме как о неподконтрольной человеку, неуправляемой, стихийной сущности, непонятной, непреодолимой и непостижимой.

Сравнение явления терроризма с объектами неживой природы апеллирует к самой сущности механизма фрейминга, которая в данном случае заключается в переносе характерных черт с объекта сравнения на характеризуемый объект. Таким образом, сравнение радикальной идеологии с *пучиной, вакуумом и ландшафтом* задает в сознании общества образ некоторого обширного, масштабного явления. Аналогия радикальной идеологии с *водным потоком* или *огнем* обусловлена рядом естественных свойств этих явлений: водный поток неуправляем, опасен и стихийен, огонь обжигает, испепеляет, уничтожает и также чреват разрастанием до масштаба неконтролируемой стихии. В сравнении экстремизма с *убежищем* и *пристанищем* актуализируется проекция поиска терзаемым сознанием некоего потаенного укрытия от тягот и сложностей современной столь сложной социальной реальности — укрытия (спасительного острова), которое некоторые и искали в ИГИЛ, но это не есть убежище «для» («ради» или «во имя»), а убежище «от».

Особого внимания заслуживают **природные образы растительного мира**, символизирующие экстремизм / терроризм. Так, экстремизм подобно живущему растению способен процветать: *We know how people suffer when extremism flourishes* — Мы знаем, как страдают люди, когда **процветает** экстремизм’ (Т. Мэй, 2015)).

Терроризм в аллегорическом образе растения требует:

а) постоянной подпитки: *Islamic radicalism, and the networks that nurture it, are imports from overseas* — ‘Исламский радикализм и сети, которые **подкармливают** его, импортируются из-за рубежа’ (Д. Трамп, 2016);

б) благодатной для прорастания почвы: *hateful ideology ... provides the breeding ground for violence and terrorism to grow* — ‘идеология ненависти ... создает **питательную среду** для роста насилия и терроризма’ (Д. Трамп, 2016);

в) благоприятного климата: *Syria will remain a hotbed of terrorism* — ‘Сирия останется очагом (букв. ‘**парником, теплицей**’) терроризма’ (Д. Трамп, 2016).

Без этих условий *al Qaeda or Boko Haram will wilt and die* — ‘Аль-Каида и Боко Харам **завянут и погибнут**’ (Б. Обама, 2015).

Терроризм подобно яду отравляет умы: *We see growing efforts by terrorists to poison the minds of people* — ‘Очевидны многочисленные попытки террористов **отравить** умы людей’ (Б. Обама, 2015). Он распространяет семена террора по всему миру: *Iran has seeded terror groups all over the world* — ‘Иран **сеет** террористические группировки по всему миру’ (Д. Трамп, 2016). Побороть терроризм означаем **выдернуть его с корнем**: *root out terrorism* (Б. Обама, 2008).

Через метафорическое представление в образе растения, с одной стороны, культивируется отношение к терроризму как к естественному, обусловленному законами природы явлению, с другой стороны, транслируется идея, что только уход и благоприятная почва обеспечивают его прорастание и процветание, что оставляет возможность его полного искоренения.

Многочисленные **зоонимические** природные фреймы в выступлениях Д. Трампа позволяют представить терроризм в образе свирепого и неуправляемого зверя. Вначале его растят в домашних условиях (*“homegrown” terrorism* — ‘доморощенный терроризм’) и спускают с привязи (*Hillary Clinton’s policies unleashed ISIS, spread terrorism* — ‘Политика Хиллари Клинтон **высвободила ИГИЛ**, позволила терроризму распространиться’ (Д. Трамп, 2016)). Зверь растет, озлобляется (*bloodthirsty killers known as ISIS* — ‘**кровожадные** убийцы, известные как ИГИЛ’ (Д. Трамп, 2018)), пожирает все на своем пути (*Islamic terrorism is eating up large portions of the Middle East* — ‘Исламский терроризм **пожирает** территории Ближнего Востока’ (Д. Трамп, 2016)). По убеждению экс-президента США, свирепому монстру не уйти от расплаты и не избежать участи паршивого пса: *These savage monsters will not escape their fate* — ‘Эти **дикие чудовища** не уйдут от своей судьбы’, *He [Abu Bakr al-Baghdadi] died like a dog, he died like a coward* — ‘Он [аль-Багдади] умер, как **собака / пес**, как трус’ (Д. Трамп, 2019).

Как мы можем заметить, природные фреймы позволяют создать самые разнообразные, порой контрастные эффекты восприятия представляемого в политическом выступлении явления. Не удивительно, что именно природные фреймы формируют самую репрезентативную группу метафорических образов, экспортируемых в англоязычную политическую коммуникацию для создания «портрета» терроризма. С одной стороны, **образы неживой природы**, предпочитаемые англоязычными политиками, обнаруживают имплицитное стремление отмежеваться от этого порочного явления, снять с себя ответственность за его существование: потоп, пламя, бездна и т. д. вне человеческого контроля. В этой связи Л. В. Баева отмечает: «Некоторые люди сознательно или бессознательно перекладывают ответственность за свою жизнь на кого-то другого («Во всем виноваты евреи, негры, богатые, «враги народа» и т. д.). Психологически это срабатывает как способ защиты и самооправдания от собственных неудач» [4, с. 22]. С другой стороны, **образы живой природы** — ассоциирование терроризма с растением или животным — формируют у реципиента веру в возможность его уничтожения, хотя в случае с образом зверя ключевым фрейминговым эффектом является, все же, особая животная свирепость и звериная агрессия терроризма.

В контексте **артефактных** фреймов в выступлениях американских политиков терроризм / экстремизм предстает в образе:

1) **оружия**: *Terror is not a new weapon* — ‘Террор — не новое оружие’ (Б. Обама, 2015);

2) **боевой машины**: *Iran used the money to fuel its vast war machine* — ‘Иран использовал эти деньги для заправки своей огромной боевой машины’ (Б. Нетаньяху, 2018);

3) **поля битвы**: *field of wreckage* — ‘поле обломков’ (Д. Трамп, 2019), *Those who have joined ISIL should leave the battlefield while they can* — ‘Присоединившиеся к ИГИЛ должны покинуть поле битвы, пока не поздно’ (Б. Обама, 2015);

4) **плацдарма**: *We cannot allow a beachhead of terrorism to form inside America* — ‘Мы не можем допустить, чтобы плацдарм терроризма сформировался внутри Америки’ (Д. Трамп, 2017);

5) **сети смерти**: *the United States of America will work with a broad coalition to dismantle this network of death* — ‘США будут сотрудничать с широкой коалицией, чтобы разрушить эту сеть смерти’ (Б. Обама, 2015); *Iran is the biggest sponsor of terrorism around the world. And we will work to dismantle that reach* — ‘Иран — крупнейший спонсор терроризма в мире. И мы будем работать над тем, чтобы демонтировать эту сеть’ (Д. Трамп, 2016);

6) **подземки**: *the lure of an extremist underground* — ‘соблазн экстремистского андеграунда’ (Б. Обама, 2015);

7) **трубопровода**, пролегающего через страны мира: *A terror pipeline that facilitates the flow of fighters, financing, arms and propaganda around the world...* — ‘Террористический трубопровод, поставляющий поток боевиков, оружие и распространяющий пропаганду по всему миру’ (Х. Клинтон, 2015).

8) **мантии «невидимки»**: *they have perverted and distorted and tried to claim the mantle of Islam for an excuse...* — ‘они (экстремисты) извратили и исказили такую религию, как Ислам, а также пытались прикрыться ей, как мантией «невидимкой», в свое оправдание’ (Б. Обама).

Весьма нагляден «артефактный» образ экстремизма в виде «Троянского коня исламизма»: «*We have seen the Trojan Horse plot to take over state schools in Birmingham*», — заявляет Тереза Мэй («Экстремистская идеология захватила школы Бирмингема, словно греки, захватившие Троию при помощи Троянского Коня»). Речь идет о раскрытии исламского заговора в Бирмингеме (2014 г.): попытки радикальных исламистов взять под контроль финансируемые государством школы, в которых обучалось много мусульманских детей. Суть *the Trojan Horse plot* заключалась в том, чтобы ввести сторонников исламизма в попечительские советы школ, добиться смены школьного руководства и далее перейти к подчинению школ предписаниям ислама.

Используя артефактные фреймы в своих выступлениях, англоязычные политические деятели акцентируют внимание общества на том, что радикальная идеология проникает не только в физическое, психическое и социальное сознание человека, но также в его быт и предметно-материальную среду. В аналогизации экстремизма и некоторого артефакта-продукта человеческой деятельности прослеживается следующая идея: предметным миром – артефактами – орудует человек (сооружает артефакты, приводит в действие, разрушает, уничтожает), следовательно, борьбу нужно вести не с предметным миром, а с человеческим разумом.

В ходе исследования нами была выявлена четвертая сфера экспансии метафорических фреймов — **эзотерическая**, которая оперирует образами сакрального мира в широком понимании. Первоначальной нашей идеей было отнести примеры, в которых явление терроризма представлено в контексте фреймов «тьмы», «смерти», «тёмного пути», «зла» к природным метафорическим образам. Данный выбор объяснялся тем, что указанные сакральные проявления находятся вне огульного человеческого контроля и скорее образуют антагонистический образ вследствие противопоставления света и тьмы, жизни и смерти. Результаты нашей работы в плане постоянного и систематического пополнения практического материала исследования (экспериментального кор-

пуca) увенчались обнаружением таких ярких инфернальных образов терроризма как «врата ада», «скверна», «проклятый день» и др., которые, в итоге, придали вышеупомянутым фреймам некую автономную интерпретативную целостность, что позволило сформировать самостоятельную метафорическую проекцию — эзотерическую.

Итак, *эзотерические* фреймы позволяют представить терроризм в образах:

1) **мрака и тьмы**: *the dark path of radicalization* — ‘темный путь, ведущий к радикализации’ (Б. Обама, 2015). Терроризм уподобляется темному пути и ложному искушению, ведущему к грехопадению;

2) **смерти**: *We will partner with King Abdullah of Jordan, and President Sisi of Egypt, and all others who recognize this ideology of death* — ‘Мы будем сотрудничать с королем Иордании Абдаллой II и президентом Египта Сиси, а также с теми, кто признает существование идеологии смерти’ (Д. Трамп, 2016). Смерть как переход в иной мир есть темная сторона сакральной интерпретации жизни сущего;

3) **порчи / скверны**: *But my top priority is to defeat ISIL and to eliminate the scourge of this barbaric terrorism that's been taking place around the world* — ‘Мой главный приоритет — победить ИГИЛ и ликвидировать расплзающуюся по миру бич / кару варварского терроризма’ (Б. Обама, 2016); *Combating this scourge requires dedication and a whole-of-society approach* — ‘Борьба с этой скверной требует самоотверженности и общих усилий’ (Р. Грегорян, американский дипломат, 2019);

4) **вселенского зла**: *Our eyes were opened to the depths of the evil we face* — ‘Наши глаза смотрели прямо в пучину зла, с которым мы столкнулись’ (Д. Трамп, 2017), *We honor their sacrifice by pledging to never flinch in the face of evil* — ‘Мы чтим их жертву, обещая никогда не дрожать перед лицом зла’ (Д. Трамп, 2019);

5) **Ада**: *we go out together with others and we knock the hell out of ISIS, wouldn't that be great* — ‘совместно с другими странами мы избавляемся от адской сущности ИГИЛ’ (Д. Трамп, 2016), *The brave men and women who tore through the gates of hell to save the hurt and the wounded* — ‘Смелые мужчины и женщины, которые прорвались сквозь врата ада, чтобы спасти раненых’ (Д. Трамп, 2019).

Выявленная нами *эзотерическая* сфера экспансии метафорических фреймов имеет вполне самостоятельный статус. В одном из главных аспектов, характеризующих данную плоскость образов, т. е. неподвластности человеку, она подобна природным фреймам. Однако, во втором, не менее важном аспекте семантики транслируемых образов, включающих сакральность и мистичность, эзотерические образы подобны антропоцентрическим фреймам, т. е. формируются и «живут» в сознании самого человека.

Проведение статистического анализа потребовало формирования экспериментального корпуса контекстных примеров, извлеченных из выступлений англоязычных политических лидеров, таких как Барак Обама, Хилари Клинтон, Дональд Трамп, Тереза Мэй, Беньямина Нетаньяху и др. Экспериментальный корпус нашего исследования составили 97 контекстных примеров политических высказываний и комментариев, характеризующих и оценивающих терроризм. Классификация экспериментального корпуса в соответствии с четырьмя выше отмеченными сферами экспансии метафорических образов и в соответствии со спецификой фреймов, выделяемых в рамках каждой из четырех сфер экспансии образов, позволяет нам отметить доминантные и второстепенные фреймы, используемые для создания образа экстремизма в англоязычном политическом дискурсе через их статистическую репрезентативность.

Доминирующей сферой экспансии метафорических фреймов при формировании образа терроризма в англоязычной политической коммуникации является *мир живой и неживой природы* (41 контекстный пример, 42 %). Вторую по частотности использования группу формируют фреймы *антропоцентрические* (мир человека) (28 контекстных примеров, 29 %). Менее репрезентативны при формировании символического образа терроризма *эзотерические фреймы* (16 примеров, 16,5 %) и *артефактные* (12 контекстных примеров, 12,5 %).

В плоскости образов неживой природы доминируют фреймы «водный поток», «бездна», «пламя», которые культивируют в сознании общества отношение к экстремизму, как к явлению стихийному, всеобъемлющему, несокрушимо. Аналогичные эффекты восприятия явления задаются эзотерическими образами, ассоциирующими терроризм с Адом, смертью, злом и скверной. Яркий «зоонимический» образ терроризма как свирепого животного транслирует оценку действий террористов как актов звериной агрессии и беспощадности. А ассоциирование терроризма с культивируемым растением акцентирует его запрограммированную сущность: это творение злого гения.

Можно утверждать, что фрейминг является эффективным, изящным и тонким инструментом преподнесения аудитории такого неоднозначного явления как терроризм. Помимо апеллирования к яркой образности и оценочности, эффекты фреймига обнаруживаются в сфере эмоций и чувств реципиентов, что в полной мере востребовано в современной эстетизированной политической коммуникации.

Результаты нашего исследования, можно полагать, вносят вклад в теоретическое осмысление технологии фрейминга, психо-когнитивных механизмов и вербальных инструментов фреймирования, порождаемых в сознании слушателей образов и оценок конструируемого посредством фрейминга символического субъекта. Разработанная нами классификация сфер экспансии фреймов в технологии фрейминга представляется единой и универсальной схемой анализа любого фреймированного образа в медиадискурсе (будь то образ современного миропорядка, образы ключевых субъектов политики (государств, политических фигур / личностей, политических партий и т. д.)) в рамках любой лингвокультуры.

Литература

1. Киященко Н. И. Эстетика — философская наука. М.: Вильямс, 2005. 592 с.
2. Пименов Н. П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России // Известия ИГУ. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 105–111.
3. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
4. Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. С. 90–131.
5. Уланович О. И., Раковец А. И. Прецедентность в современном политическом общении как отражение тенденции эстетизации медиакommunikации // Международная журналистика — 2019: евразийско-атлантическое партнерство и медиа: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Б. Л. Залесский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 292–298.
6. Уланович О. И., Стефановская Е. И. Метафора как инструмент эстетизации и экспрессивизации современного спортивного медиадискурса // Стылістыка, мова, маўленне і тэкст: Зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. С. 127–135.

Об авторах

Уланович Оксана Ивановна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедр теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь.

E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Волкова Ксения Павловна — выпускница Белорусского государственного факультета по специальности «Современные иностранные языки (перевод)», Республика Беларусь.

E-mail: kseniya.volkava98@mail.ru

O. I. Ulanovich, K. P. Volkova

**COGNITIVE MECHANISMS AND COMMUNICATIVE EFFECTS
OF MEDIA-FRAMING TECHNOLOGY IN MODELING THE IMAGE
OF «TERRORISM/ EXTREMISM» IN THE ENGLISH-LANGUAGE
POLITICAL COMMUNICATION**

In the article the conceptual basics of the communication technology of mediaframing are outlined. The authors model the symbolic image of terrorism, which is implicitly created in the English-language political discourse through framing technology. The authors have developed a classification of the spheres of expansion of frames for the metaphorical imagery presentation of this or that phenomenon in political communication, which determines the emotional and evaluative effects of its perception. Quantitative assessment of the representativeness of various frames in modeling the symbolic image of extremism and the motivated affective-evaluative framing effects of this image allows us to identify the value accents of media rhetoric in the English-language political discourse.

Key words: *political communication, media framing technology, frames, political metaphor, symbolic image, terrorism.*

About the Authors

Oksana Ulanovich — PhD in Psychology, docent, associate professor of the department of theory and practice of translation, the faculty social and cultural communications, Belarusian State University, Republic of Belarus.

E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Kseniya Volkova — the graduate of the Belarusian State University on the specialty «Modern foreign languages (translation)», Republic of Belarus.

E-mail: kseniya.volkava98@mail.ru